

Герои

Воззвание
Минина
к нижегородцам
в 1611 году.
М. И. Песков. 1861

XVII век

Мир допетровской Руси предоставлял каждому своему обитателю общественную «ячейку», где тому следовало жить и умереть. Правильным и достойным делом считалось наилучшим образом выполнять обязанности, которые диктовал обычай, господствующий в данной «ячейке». Скверным и глупым — выходить за пределы, установленные раз навсегда.

В соответствии с политическим укладом той эпохи, водить армии и управлять областями считалось обязанностью высшей аристократии. Россия тех лет располагала множеством людей, чье положение можно перевести на язык современных понятий как «генералы», «маршалы», «министры», «финансовые тузы». Но когда польские интервенты заняли Москву, при наличии всех этих высокопоставленных персон освободили город, условно говоря, полковник и хозяин мясной лавки. Пожарский и Минин. Почему? Смута разрушила русское общество до самого основания. Оно потеряло единство и порядок. Целые общественные слои утратили ум и волю, необходимые для выполнения их общественных функций. Те, кому следовало выходить с полками и бить врага, переходили на неприятельскую сторону. Те, кому надлежало оберегать закон, первыми нарушали его. Те, кто обязан был защищать Церковь и веру, отворачивались и от первого, и от второго...

Порча коснулась всех и вся. Притом в худшее состояние пришла именно высшая знать. Ее своеволие, ее амбиции, ее корыстолюбие чуть не погубили страну. В таких условиях и появились на исторической сцене «полковник» с «хозяином мясной лавки».

Князь Дмитрий Пожарский

Душа войска

В старину таких людей, как Дмитрий Михайлович, называли «адамантами» — алмазами. Не за ценность, а за прозрачность и твердость. Именно образ камня следует навсегда связать с именем князя. Пожарский — адамант. Им можно резать самые твердые материалы, и трещин на самом резаке не появится. Или, может быть, горный хрусталь. Он всем и каждому дает увидеть то, что лежит внутри него, ибо душа его не содержит зла. Он не знает уловок и хитрости. Он исполнен силы и прочности. Прозрачный несокрушимый камень.

Из рода комбатов

Дмитрий Михайлович родился в 1577 или 1578 году, и о детстве и молодости его почти ничего не известно. Он принадлежал к роду, не относившемуся к числу особенно знатных и богатых, но и не захудалому. Пожарские были Рюриковичами, происходили из древнего семейства Стародубских князей. Более того, они являлись старшей ветвью Стародубского княжеского дома; правда, сам Дмитрий Михайлович происходил от одного из младших колен. Он носил родовое прозвище «Немой», унаследовав его от деда, Федора Ивановича. Это прозвище князь Дмитрий передаст и своим сыновьям, Петру и Ивану. Как видно, в этой отрасли разветвленно-го семейства ценили молчунов...

В XVI веке род Пожарских пришел в упадок, потерял старинные вотчины. В те времена показателем высокого положения любого аристократического рода были назначения его представителей воеводами в полки и крепости, наместниками в города, пребывание на лучших придворных должностях, а также в Боярской думе. Для того, чтобы попасть в Думу, требовалось получить от государя чин думного дворянина, окольного или боярина. На протяжении XVI столетия десятки аристократических родов добивались «думных» чинов, сотни — воеводских. Но у Пожарских ничего этого не было. Их назначали на службы более низкого уровня — не воевод, а «голов» (средний офицерский чин), не наместников, а городничих (тоже рангом пониже). Если переводить служебные достижения родни Дмитрия Михайловича в современные термины, то получится, что семейство его давало России военачальников уровня комбата. Многие из них в разное время погибли за Отечество. Не вышли они ни в бояре, ни в окольные, ни даже в думные дворяне, несмотря на знатность.

И когда кого-то из них судьба поднимала на чуть более высокую ступень — например, на наместническую, то он гордился такой службою, хотя она могла проходить где-нибудь на дальней окраине державы.

Как и все дворяне, или, словами того времени, «служилые люди по отечеству», Дмитрий Михайлович с молодости и до самой смерти обязан был служить великому государю Московскому. Начал службу он с небольших чинов.

В огне смуты

В Смутное время князь Дмитрий Михайлович вступил с полученным при Борисе Годунове чином стряпчего или, возможно, стольника, уступавшим по значимости боярину и окольному. Если грубо перевести на язык современных воинских званий, стольник представлял собой нечто среднее между полковником и генерал-майором. Карьера по тем временам хорошая, лучше, чем у большинства предков, но без особенного блеска. Ни в Боярской думе, ни в воеводах он не бывал, наместничества не получал.

Зато в смутные годы он стал одной из самых заметных фигур Московского государства. При Василии Шуйском (1606—1610 годы) Пожарский наконец-то выбился на воеводскую должность. По современным понятиям — вышел в генералы. Он активно вел боевые действия, защищая столицу от польско-литовских шаек и русских бунтовщиков. Под Коломой (1608) Дмитрий Михайлович осуществил в ночное время стремительное нападение на лагерь вражеского войска. Противник разбежался, в панике бросив армейскую казну. Дмитрий Михайлович показал себя опытным и решительным военачальником, он заработал повышение по службе честным воинским трудом.

Минин
и Пожарский.
М. И. Скотти.
1850

Именно тогда, в разгар Смуты, самым очевидным образом проявилось воинское дарование Пожарского. Начав с коломенского успеха, проследим основные факты в его боевой карьере.

Годом позже князь разбил в жестоком сражении отряд мятежника Салькова. Замечательный дореволюционный историк Иван Егорович Забелин сообщает, что Пожарский за заслуги перед престолом награжден был новыми землями, а в жалованной грамоте, среди прочего, говорилось: «...против врагов стоял крепко и мужественно и многую службу и дородство показал, голод и во всем оскуденье... терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякия шатости...»

В 1610 году, будучи на воеводстве в Зарайске, Дмитрий Михайлович дал отпор буйной толпе изменников, желавших сдать город Лжедмитрию II.

За таким вождем люди готовы были идти. Ему доверяли, когда доверять стало некому.

Запершись в мощном каменном кремле и не пустив туда стихию измены, Пожарский выстоял, а потом принудил бунтовщиков к покорности.

Русская служилая аристократия, решив править страной самостоятельно, отдала царя Василия Шуйского полякам, а затем и самих интервентов пригласила в Москву. Это было страшное, нестерпимое унижение для России. В южные города на помощь новой власти призваны были украинские казаки. Против них поднялись Пожарский и знатный рязанец Прокопий Ляпунов. Вместе они очистили Рязанщину от казаков и устремились к столице.

Пожарский поспел туда первым.

В марте 1611 года в Москве разразилось восстание: москвичи не могли стерпеть насилия, грабежей и оскорблений со стороны польского гарнизона. Бой за великий город отличался необыкновенным ожесточением: поляки штурмовали русские баррикады, а их защитники

расстреливали толпы интервентов из ружей и пушек. Неся огромные потери, поляки решили зажечь Москву, лишь бы не потерять ее. Страшный пожар уничтожил большую часть российской столицы. Последним оплотом сопротивления стал острожек (деревянное укрепление), выстроенный по приказу Пожарского близ церкви Введения Богородицы на Сретенке. Поляки не могли ни взять острожек, ни устроить вокруг него пожар: бойцы Пожарского метко отстреливались и контратаковали. Но под конец их командир пал едва живой «от великих ран», тогда и дело всего восстания рухнуло.

Вскоре к Москве прибыли полки Первого земского ополчения, собравшиеся из разных городов Московского государства. Год с лишним они простояли на развалинах столицы, сражаясь с оккупантами. Дмитрий Михайлович не мог участвовать в этой борьбе: ему не позволили тяжелые ранения.

Освободитель

Осень 1611 года была ужаснейшей порой в русской истории. Государство исчезло, сгнуло. Его представляла шайка предателей, засевших в Кремле и пытавшихся править страной при помощи иноземных солдат. Мятежные казаки жгли города и села, грабили, убивали. Шведы захватили весь Русский Север по Новгород Великий. Войска польского короля стояли под Смоленском и послали подмогу московскому гарнизону. Из последних сил стояла на пепле столицы малая земская рать, да и у той начальники умудрились переругаться.

Еще бы шаг в этом направлении — и пропала бы Россия, рухнула в пропасть, не возродилась бы никогда. Но случилось иначе.

Еще оставались богатые города, не занятые поляками и не желавшие покоряться новой власти. В частности, Казань и Нижний Новгород. Тамошние посадские люди, купцы и ремесленники, имели достаточно веры в Божью помощь, достаточно воли и энергии, чтобы предпринять новую попытку освобождения страны. Второе земское ополчение начали собирать нижегородцы во главе с торговым человеком Кузьмой Мининым. ➔

◀ Изгнание поляков из Кремля. Э. Лисснер (1874–1941)

▲ Памятник Кузьме Минину и князю Дмитрию Пожарскому на Красной площади в Москве. Фото www.lori.ru

В поисках пополнений земцы прошли от Нижнего через Балахну, Юрьевец, Кинешму и Кострому до Ярославля. В Ярославле ополчение простояло четыре месяца, накапливая денежные средства и подтягивая войска. Если из Нижнего вышел небольшой отряд, то в Ярославле сформировалась настоящая армия. Там же возникло и «временное правительство» — Совет земли, а вместе с ним приказы (средневековые министерства), Монетный двор... Фактически Ярославль стал на время российской столицей.

Документы Совета земли начинались со слов: «По указу Московского государства бояр и воевод, и стольника и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского с товарищи...» У России не было тогда государя, но одну из его функций, а именно роль главнокомандующего, принял на себя князь Пожарский. Его уговорили возглавить новое ополчение настырные нижегородцы и смоленские дворяне, в первое время являвшиеся ядром земского войска. Пожарский еще не оправился от ран, опасался новых измен, однако, после долгих переговоров, взял на себя командование ополченцами. Князь довел их до Ярославля, создав из пестрой толпы дисциплинированную боевую силу. Он готовился нанести решающий удар.

Пожарского почти насильно сделали начальником последней горсти бойцов за Россию. Он славился как умелый воевода, но более того — как прямой и честный человек, не склонный к измене и стяжательству. За таким вождем люди готовы были идти. Ему доверяли, когда доверять стало некому. Иные командиры, пусть и более знатные, поневоле уступили Дмитрию Михайловичу...

В июле 1612 года авангард Второго земского ополчения прибыл в Москву. К 20 августа подтянулись основные силы. С запада на город скорым маршем двигался мощный корпус гетмана Ходкевича. Столкновение с ним должно было решить судьбу российской столицы.

Что увидел князь Пожарский, вновь оказавшись в Москве? Черные пожарища, закопченные церкви, редкие каменные палаты, испачканные пеплом. Тут и там деловитые москвичи рубили новые «хоромы». Бойцы Первого земского ополчения нарыли себе землянки, заняли уцелевшие дома, жили голодно. И лишь стены Белого города, Китай-города и Кремля, хоть и покалеченные артиллерийским огнем, величаво возвышались над хаосом развалин...

В распоряжении Пожарского было совсем немного хорошей вооруженной, по-настоящему боеспособной дворянской кавалерии и служилой татарской конницы. Основную массу войска составляли пешцы, собранные с бору по сосенке. Как опытный воевода, князь знал, что русская пехота того времени «в поле» редко проявляла стойкость. Зато в обороне мало кому удавалось ее сломить. Дай десятку русских стрельцов не то что каменную стену, а хотя бы несколько телег с обозной кладью, и они удержат вражескую сотню. В то же время, лишённые укрытия, они могут отступить перед малыми силами неприятеля. И Дмитрий Михайлович принял решение соорудить в качестве опорных пунктов деревянные острожки, а также выкопать рвы. Оборонительную тактику пехоты он планировал сочетать

Дмитрий Пожарский в полной мере обладал способностями вождя-восстановителя порядка.

с активными, наступательными действиями конницы.

Эта тактика принесла ему успех в упорном трехдневном сражении.

22 августа кавалерия Пожарского атаковала поляков у Новодевичьего монастыря. Поляки ввели в бой крупные силы, и русская конница отступила, но зацепилась за острожек у Арбатских ворот. Здесь Ходкевич бросил в наступление резервы. Тем не менее сбить земцев с занимаемой позиции гетман не сумел. Польский гарнизон Кремля бросался на вылазки. Их отбили с большим уроном для интервентов. Поляки предпринимали отчаянные атаки по фронту. Упорное сопротивление с закаленными солдатами Ходкевича заставило земцев дрогнуть, исход сражения стал неочевидным. Но внезапный удар отрядов Первого земского ополчения, пришедших на помощь своим товарищам, решил дело: поляки ретировались.

В ночь с 22 на 23 августа поляки с помощью русско-го изменника захватили острожек в Замоскворечье. Оборонявшие его казаки из состава Первого ополчения не сумели отбиться...

Сутки гетман готовил новый удар. Пожарскому было ясно: вторая попытка прорыва будет совершена со сторо-

ны Замоскворечья. Он переправил несколько отрядов на помощь Первому ополчению, занимавшему там позиции.

Утром 24 августа Дмитрий Михайлович, предвзяв наступление поляков, атаковал сам. Постепенно поляки отгеснили атакующие отряды, но прорвать оборону основных сил не смогли. Полки Первого ополчения менее сплоченно сопротивлялись напору интервентов. После долгой борьбы они сдали ключевой острожек, оставили другие оборонительные рубежи, и задача Ходкевича фактически оказалась решенной: он пробился к центру, к Кремлю. Но гарнизон острожка внезапно контратаковал и выбил поляков из своей деревянной крепостицы. Вернулись на бой другие отступившие отряды...

Боевые действия на время прекратились. Войска обеих сторон понесли чудовищные потери и смертельно устали. Пожарский счел этот момент идеальным для перехвата инициативы. Он отправил за Москву-реку отряд в несколько сотен бойцов во главе с Мининым. Неожиданное нападение еще недавно едва державшихся русских застало интервентов врасплох. Скоро их боевой дух оказался сломленным, и в сражении наступил перелом. Солдаты Ходкевича отступали, теряя строй, превращаясь в неорганизованные толпы. Часть обоза гетману пришлось оставить на поле боя.

На следующий день начался общий отход вражеского корпуса от Москвы.

Центр города оккупанты удерживали еще несколько месяцев. В ноябре ополченцы штурмом взяли Китайгород. Вскоре польский гарнизон сдался на милость победителей... Тогда и миновал пик Великой Смуты.

После освобождения Москвы и возведения на престол государя Михаила Федоровича (правил с 1613 по 1645 год), первого в династии Романовых, Пожарский получил в награду высший «думный» чин — боярина (1613), а также большие земельные владения. Для него, человека совершенно незаметного в рядах блестящей московской аристократии, боярский чин был недостижимым мечтанием. Можно сказать, за время борьбы со Смутой из полковников он прыгнул в маршалы...

Слуга царю

Дмитрия Михайловича чтили как «большого богатыря», военачальника, «искусного во бранех». Он по-прежнему участвовал в боевых действиях, исполнял важные административные поручения. В 1615 году Пожарский разбил у Орлова городища блестящих бойцов знаменитого польского авантюриста Лисовского. Имея под командой 600 человек против 2000, Пожарский отбросил неприятеля, захватил 30 пленников, знамена и литавры. Осенью 1618 года Пожарский, больной, едва живой от старых ран, сидит осадным воеводой в Калуге, тревожит поляков вылазками и в конечном итоге заставляет неприятеля отступить от города.

И даже в Смоленской войне 1632–1634 годов князь, измученный «черным недугом» (тяжелой болезнью), будучи на шестом десятке, все еще исполнял воеводские службы...

На его средства был построен Казанский собор на Красной площади, разрушенный в советское время и восстановленный в 90-х годах XX столетия. Князь много жертвовал на нужды храмов, в частности, покупал на свои деньги и отдавал священникам дорогие богослужебные книги.

Умер он в 1642 году, в ореоле большой славы, до конца исчерпав свой долг перед Отечеством. «Не нужно особенно зорких глаз, чтобы рассмотреть, чем именно всегда были исполнены побуждения Пожарского. Не за

личные цели он стоял и не целям какой-либо партии он служил; он стоял за общее земское дело и служил ему чисто, прямо и честно. Вот эти-то обыкновенные его дела и действия и придали его личности необыкновенное для того времени значение, которое было хорошо понято в Нижнем и там же обозначено желанием найти воеводу, который бы “в измене не явился”, который бы не припадал на всякие стороны, смотря, где выгоднее для чести или для корысти, как поступало великое большинство тогдашних князей, бояр и воевод». Так пишет о русском воеводе историк И. Е. Забелин. И оценка эта, пожалуй, ближе всех прочих к правде факта.

Князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому помимо тактического таланта принадлежал еще один, гораздо более редкий и насущно необходимый лишь в исключительных обстоятельствах. Для ведения обычных боевых действий он не нужен, зато яркой звездой вспыхивает в годы гражданских войн, восстаний, всякого рода смут. Этот уникальный талант состоит в том, чтобы стать душой войска, противостоящего мятежникам, всегда и неуклонно проявлять стойкость и самопожертвование ради восстановления общего дома. Если значительная часть народа видит в устоявшемся порядке ценность, именно такие вожди ведут ее к победе. Если старое устройство общества поддерживается малым количеством людей, такие вожди позволяют своим полкам дать последний бой революции и с честью головы сложить на поле боя. Всегда и во все времена они являются оплотом веры, нравственности, долга перед государем и отечеством.

Дмитрий Михайлович Пожарский в полной мере обладал способностями вождя восстановителей порядка.

***

Спустя два века после огненной полосы русской Смуты на Красной площади появился памятник Минину и Пожарскому. Великий нижегородец показывает Дмитрию Михайловичу: «Посмотри же, страна в огне, если мы не спасем ее, уже никто не спасет!» Два благородных человека готовы встать на защиту родины, принять за нее лишения и раны, а если придется, то и погибнуть.

Государства и народы рождаются, входят в возраст зрелости, дряхлеют и умирают. Пока общество богато такими людьми, до старости ему далеко. ♣.

Дмитрий Володихин,
доктор исторических наук

